

ДИСКУССИЯ

УДК 165; 316.6

DOI: 10.5840/dspl20181214

СУБЪЕКТ В МИРЕ СОЦИАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Труфанова Елена Олеговна – кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

В статье представлен критический анализ социально-конструкционистского подхода к проблеме субъекта. Проблема субъекта рассматривается в двух ключевых аспектах – субъект как Я и как личность, с одной стороны, и субъект научного познания, с другой. Дается определение ряда ключевых понятий социально-конструкционистского подхода (социальная конструкция, дискурс, «голос»). Рассматривается специфика социального конструкционизма по сравнению с конструктивизмом и социальным конструктивизмом, анализируются основные положения социально-конструкционистского подхода. Рассматривается конструкционистская критика классических представлений о субъекте и основные альтернативные концепции Я, предлагаемые конструкционистами. Анализируются представления конструкционистов о социальной ангажированности субъекта научного познания и о невозможности говорить о реальности за пределами социальных конструкций. Делается вывод о неустраимости понятия субъекта из любого исследования познания и о непродуктивности предлагаемого социальными конструкционистами отказа от понятий Я, реальности, истины и объективности.

Ключевые слова: субъект, наука, социальный конструкционизм, Я, познание, реализм, антиреализм.

THE SUBJECT IN THE WORLD OF SOCIAL CONSTRUCTIONS

Elena O. Trufanova – CSc in Philosophy, leading research fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russian Federation, 109240, Moscow, Goncharnaya Str., 12/1; e-mail: eltrufanova@gmail.com.

The paper presents critical analysis of social constructionist approach to the problem of the subject. This problem is regarded in two main aspects – the subject as the Self and as a person on one hand and the subject of scientific knowledge on the other. The definitions of the main concepts used by social constructionists (social construction, discourse, voice) is given. The specifics of social constructionism in comparison with constructivism and social constructivism is considered, and principle features of social constructionism are analyzed. Constructionist critique of the classical concept of the subject is analyzed and the principle alternative concepts of Self proposed by social constructionists are researched. The constructionist ideas of the social bias of the subject of scientific knowledge and of the impossibility to have knowledge about reality behind the social constructions are analyzed. The conclusion is drawn that the subject cannot be deleted from any research of cognition and that the renouncement of the concepts of the Self, reality, truth and objectivity that is proposed by social constructionists is unproductive.

Keywords: the subject, science, social constructionism, the Self, cognition, realism, anti-realism.

Основной целью моего исследования является критическое рассмотрение подхода к проблеме субъекта с точки зрения такого направления в современной философии и науках о человеке как социальный конструкционизм. В рамках проводимого мной анализа я буду рассматривать проблему субъекта в двух ключевых аспектах: 1) субъект как *Я* или, в широком смысле, как личность; 2) субъект научного познания и социально-конструкционистский подход к науке в целом.

Прежде всего, следует пояснить одно из основных понятий социального конструкционизма, к которому мы будем обращаться, – понятие социальной конструкции. Под социальной конструкцией я предлагаю понимать порождение определенной культуры, общества или социальной группы, существующее исключительно в силу того, что члены данного социума или социальной группы согласны считать его реально существующим или согласны следовать определенным *социально сконструированным* правилам по отношению к этому объекту, или практике, связанной с этим объектом, и т. д.

Мы можем выделить несколько типов социальных конструкций. К первому типу относятся конструкции в прямом смысле сло-

ва, т. е. то, что не могло бы существовать без существования общества, к примеру – социальные институты, такие как семья, церковь, государство, право и т. д. Ко второму типу социальных конструкций я предлагаю относить конструкции, которые возникают в результате конструирования абстрактных понятий, не имеющих реального (в данном смысле – материального или физического) существования: например такие понятия, как благородство, любовь, вера, справедливость и т. д. Это такие понятия, на которые нельзя показать пальцем, их нельзя пощупать и т. д. К третьему типу социальных конструкций (и как раз этот тип, как мне кажется, наиболее проблематичен и потому наиболее интересен в рамках исследования социального конструкционизма) я отношу такие конструкции, в которых речь идет о приписывании дополнительных смыслов предметам окружающего мира. Восприятие предметов в таком случае будет зависеть от того, с какими его социальными значениями знаком познающий субъект. Например, фрукты сами по себе не подразделяются на съедобные и несъедобные от природы, хотя они и обладают некоторыми реальными свойствами (например, наличием полезных для человека химических соединений, отсутствием веществ, могущих нанести вред человеческому организму (ядов) и т. д.), которые делают их съедобными или несъедобными *для нас*. Именно мы в итоге приписываем им такие значения и, соответственно, создаем классификации съедобных и несъедобных фруктов или какие-либо иные подобные классификации. Такие классификации, следовательно, носят не столько естественнонаучный, сколько социальный характер, хотя и опираются на конкретные физические характеристики объектов.

Именно в связи с третьим типом социальных конструкций возникают те проблемы, о которых пишут социальные конструкционисты. Можно привести один достаточно наглядный пример, демонстрирующий, как отношение к довольно простой материальной субстанции в зависимости от разных социокультурных установок может меняться и существенно влиять на поведение людей. Пример заключается в следующем: в середине XIX века, когда Великобритания активно занималась колонизацией Индии и нужно было периодически подавлять восстания местного населения, туда стали поставляться ружья нового типа (винтовка Энфилд) – для того, чтобы зарядить такое ружье, бумажный патрон необходимо было предварительно надкусывать, чтобы высыпать порох в ствол. Проблема состояла в том, что эти патроны смазывали животным жиром, и среди местных наемных солдат-сипаев распространился слух о том, что жир, который используется в этой смазке, – свиной жир, следовательно, солдаты-мусульмане не могут использовать данные ружья, т. к. свинья является «нечистым» животным, или же коровий жир – что, в свою очередь, недопустимо для солдат-индусов, для которых корова – животное священное. Как следствие, возникли бунты и восстания уже среди самих солдат-сипаев, которые считали, что таким образом англичане хотят отвратить их от их истинной веры и обратить в христианство. Даже поспешная

замена жира на бараний или на воск уже никаким образом не смогла остановить эти возмущения, и началась целая серия восстаний и мятежей (сейчас называемая Первой войной Индии за независимость), продлившаяся несколько лет. Мне кажется, этот пример хорошо иллюстрирует, какую роль могут играть социально сконструированные смыслы материальных объектов.

Таким образом, в рамках третьего типа социальных конструкций мы можем говорить о том, что любой материальный объект способен являться как вещью «самой по себе» – в данном случае не столько в кантовском, но в самом широком понимании, и одновременно являться социальной конструкцией, зависящей от того, каким образом к этому объекту относятся в данной культуре, какой тип практик в данной культуре с этим объектом связан. Основным пафосом социального конструкционизма является то, что они объявляют социальными конструкциями не только очевидные продукты социума, такие как, допустим, конструкции первого типа, но и то, что с точки зрения здравого смысла непривычно считать таковыми. Например, объекты научного познания, такие как элементарные частицы в физике и т. п., предлагается считать результатом социальных взаимодействий [Pickering, 1999]. Но в первую очередь такого рода социальными конструкциями были объявлены различные психические феномены, что напрямую связано с историей развития социального конструкционизма.

Необходимо сказать несколько слов о том, что такое, собственно, социальный конструкционизм. Перечислим ряд направлений, которые можно так или иначе отнести к социальному конструкционизму: конверсационный анализ, дискурс-анализ, этнометодология, этогеника, феминистские исследования, постструктурализм, постмодернистская политология, риторика, рефлексивная этнография, социология научного знания, социокультурная психология и символический интеракционизм. Данная классификация взята у одного из представителей конструкционизма, психолога Джонатана Поттера [Potter, 1996a]; к ней я бы добавила нарративную психологию и нарратологию в целом, которые также весьма близки конструкционизму. Социальный конструкционизм представляет собой определенную разновидность конструктивизма, но отличается от него рядом характерных черт. На этом я не буду останавливаться слишком подробно, но необходимо пояснить, почему я говорю именно о данном направлении, а не о конструктивизме или социальном конструктивизме (здесь тоже есть определенные отличия)¹.

Во-первых, социальный конструкционизм представляет собой зонтичный термин; речь идет о едином подходе, включающем в себя целый набор разных направлений, упомянутых выше. Во-вторых, к социальному конструкционизму относится определенная группа авторов – это прежде всего представители западных социогуманитарных дисциплин, в первую очередь – социальной психо-

¹ Подробнее см. [Труфанова, 2018].

логии, в рамках которой данное направление и возникает. Можно перечислить ряд имен – США и Канаду представляют Кеннет Герген (которого можно условно назвать основателем данного направления, транскрипция автора), М. Герген, Т.Р. Сарбин, Дж. Шоттер, Н. Роуз. В Великобритании к конструкционистам можно отнести частично Р. Харре, а также Й. Паркера, У. Холлоуэйя, С. Китцингера, В. Волкердин, в Голландии – Г. Херманса. К конструкционистам также можно отнести представителей дискурсивной психологии – уже упоминавшегося ранее Дж. Поттера, а также М. Уэзерелл, Д. Эдвардса, М. Биллига и др. Это те авторы, которые сами причисляют себя к сторонникам социального конструкционизма, хотя, к примеру, Ром Харре является конструкционистом лишь в ограниченном ряде вопросов.

Почему мы различаем социальный конструкционизм и социальный конструктивизм? Ведь, действительно, ряд идей конструкционистов близок идеям известной работы Бергера и Лукмана «Социальное конструирование реальности» [Berger, Luckman, 1966] (а данных авторов как раз называют социальными конструктивистами) и во многом инспирирован ими, тем не менее социальный конструкционизм отмежевывается от этой работы, а сам Кеннет Герген настаивает на названии «конструкционизм», чтобы избежать смешения с конструктивизмом в том понимании, которое ассоциируется с Жаном Пиаже. Поскольку социальный конструкционизм возникает в рамках социальной психологии, Гергену было необходимо это отделение, так как с конструктивизмом Пиаже данная концепция не имеет фактически ничего общего.

Что можно отнести к основным положениям социального конструкционизма? Во-первых, это утверждение о том, что объективное непредвзятое знание невозможно, что любое знание зависит от социокультурного контекста, в котором оно возникает, т. е. любое знание содержит в себе социокультурные установки того, кто это знание продуцирует, т. е. субъектов, осуществляющих познавательную деятельность.

Во-вторых, важнейшую роль в выражении этого социокультурного контекста играют язык и языковые практики. Социальные отношения выражаются и транслируются с помощью языка, и реальность, соответственно, представляется как зависящая от того, какими словами мы ее описываем. Здесь социальный конструкционизм очень близок к куайновской концепции онтологической относительности и гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа: по сути, утверждается, что от языка и языковых практик зависит онтология реальности, с которой мы имеем дело.

В-третьих, социальный конструкционизм отрицает какое-либо постоянство самосознания и *Я*, о чем я буду далее говорить подробнее. Конструкционисты утверждают, что *Я* возникает только как временное образование, которое связано с тем, в какую социальную коммуникацию индивид включен в данный момент. Соответственно, при смене социальной коммуникации сменяется и то, что мы называем *Я*, самосознанием, идентичностью и т. д.

И, наконец, в-четвертых – любое знание неразрывно связано с социальным действием: так, изменение знания о каком-либо явлении приводит к изменению социального действия по отношению к данному явлению. Социальный конструкционизм как направление определенным образом политически ангажирован: с точки зрения конструкционизма крайне важно утверждение, что то, как мы формулируем знание об определенном объекте реальности, формирует наше социальное и политическое действие по отношению к данному объекту. В качестве примера можно привести отношение общества к такому явлению, как алкоголизм. До конца XIX века алкоголизм считался не болезнью, а антисоциальным поведением, т. е. полагалось, что человек, страдающий алкоголизмом, аналогичен вору, убийце и т. д.: он сам выбирает себе такую модель поведения, противопоставляет себя закону, общественной морали, и он должен нести наказание, которое предполагалось за это «преступление», например, быть заключенным в тюрьму. На этом этапе наши знания об алкоголизме сводились к тому, что это стратегия поведения, за которую индивид полностью несет ответственность. В XX веке исследования в области медицины показали, что алкоголизм, как и ряд других зависимостей, является до определенной степени не контролируемым человеком состоянием организма и, как следствие, получает уже другой ярлык. Если раньше алкоголизм считался преступным поведением, то теперь алкоголизм считается болезнью. Если раньше таких людей наказывали, то в XX веке с изменением знания об алкоголизме меняется социальное действие – мы испытываем к ним сочувствие, ищем способы лечения и т. д.

Итак, эти четыре положения кратко суммируют основные черты конструкционистского подхода. Здесь надо отметить, что конструкционизм, возникнув в рамках социальной психологии, интересуется прежде всего вопросами, связанными с социальным контекстом тех или иных явлений, в том числе научных понятий. Например, конструкционистов интересует понятие психического заболевания. Как изменяются наши определения подобных понятий? С одной стороны, если мы рассматриваем болезнь с сугубо реалистической точки зрения, мы говорим о том, что болезнь связана с теми или иными состояниями организма, которые мы четко определяем, фиксируем и используем ярлык болезни применительно к данному состоянию организма. Однако с точки зрения социального конструкционизма одни и те же состояния организма в разные периоды истории могут восприниматься разным образом и получать разные ярлыки. К примеру, понятие «меланхолия». В античности этим термином обозначается состояние беспричинной печали, уныния и подавленности, которое объясняется разлитием желчи и дисбалансом жидкостей, которые, согласно древнегреческой медицине, составляют организм. В Средние века используется понятие «уныние», при этом уныние рассматривается как один из смертных грехов, и к нему также формируется соответствующее отношение. В эпоху Возрождения и Новое время у нас возникает понятие «ме-

ланхолия» в его романтической трактовке – как состояния, сопровождающего сложную, мятущуюся душу человека, в первую очередь – творческой личности. И, наконец, в XX веке у нас появляется понятие депрессии, клинической депрессии, и отношение к этому явлению меняется вновь.

Необходимо перейти теперь непосредственно к основной теме моего исследования – к проблеме субъекта в социальном конструкционизме. Я обозначила первую составляющую этой темы как проблему субъекта как *Я* и как личности. В конструкционизме есть несколько типов отношения к субъекту и к понятию *Я*. Сразу нужно пояснить, почему я «подменяю» здесь понятие субъекта понятием *Я*. Это связано прежде всего с тем, что именно классическую философскую традицию представления о субъекте как о *Я*, идущую от Декарта и т. д., конструкционисты в первую очередь и критикуют.

Здесь можно выделить несколько предлагаемых конструкционизмом альтернатив классическим представлениям о *Я*. Первая из них рассматривает *Я* как «пустое место». Этих слов конструкционисты не используют, однако понятие «пустого места» хорошо иллюстрирует представление конструкционистов о *Я* как перекрестке коммуникаций. Представителем такой точки зрения является, прежде всего, Кеннет Герген. У нас нет, с его точки зрения, постоянного *Я*; оно никаким образом не может являться субстанцией; даже постоянство идентичности невозможно. Если некоторые конструкционисты еще полагают, что идентичность может заменять собой классическое понятие *Я*, поскольку она является сложносоставной, связанной с разными социальными потоками и т. д., то Герген считает, что идея идентичности так же, как идея *Я*, приводит нас все к той же эссенциалистской традиции, с которой он пытается бороться [Джерджен, 2003b]. То есть, с этой точки зрения, нет никакой сущности, которую мы называем *Я*, есть только пустое пространство, заполняемое в каждый момент времени коммуникациями, в которые человек включен, которые проходят через эту некую точку в пространстве, какой, соответственно, является индивид, и, таким образом, у него возникает иллюзия того, что у него есть постоянное *Я*. Эта традиция складывается не в последнюю очередь под влиянием французского постмодернизма и постструктурализма, к которым конструкционисты часто обращаются.

Вторая альтернативная концепция наиболее подробно развивается Ромом Харре – это представление о *Я* как о лингвистической конструкции. Эта концепция также отрицает существование классического *Я*. Харре делает акцент на том, что понятие *Я* как таковое – это порождение европейской культуры и наши представления о *Я* возникают в связи с тем, что европейские языки устроены таким образом, что мы можем сказать «это стол», указав на стол, а можем сказать «это *Я*». Это фразы одного порядка, и у нас возникает, как он говорит, иллюзия того, что если мы можем указать на стол как на отдельную вещь, то и о *Я* мы можем говорить как о некой отдельной вещи. На самом деле, с точки зрения Харре, *Я* –

это просто определенное местоимение, указание на «первое лицо, единственное число», и оно используется нами для определенного удобства выражения. В нашем языке и схожих языках мы связываем это местоимение с такими понятиями как автономия, свобода воли и т. д., и, как следствие, у нас возникает иллюзия того, что существует эта независимая сущность, которая является носителем этих свойств [Harré, 1989]. В дальнейшем на эту языковую иллюзию накручиваются философские идеи, которые на этот костяк как бы наращивают плоть; философские теории создают подкрепление этой иллюзии, и нам очень трудно от нее каким-то образом избавиться. В качестве подтверждения своей гипотезы Харре в своей работе в соавторстве с лингвистом П. Мюльхойзлером приводит пример из ряда неевропейских, достаточно экзотических, языков, в которых не используется понятие, аналогичное нашему Я [Harré, Mühlhäusler, 1990]. У Харре есть фраза, очень ярко иллюстрирующая эту концепцию: «...Трансцендентальное Эго – это тень, отброшенная на мир грамматикой» [Harré, Mühlhäusler, 1990; p. 18]. Хотя следует отметить, что в примерах, которые они приводят, где фразы формулируются без использования слов, аналогичных нашему «я», тем не менее прослеживаются такие состояния, которые мы относим к тому, что в нашей культуре понимается как Я.

Третья альтернатива – это представление о Я как нарративе, или концепция диалогического Я. Представители – Т.Р. Сарбин, Дж. Шоттер и нарративная психология в целом – развивают концепцию диалогического Я, активно ссылаясь на идеи М.М. Бахтина. На мой взгляд, это, пожалуй, самая продуктивная из конструкционистских концепций, в которой Я представляется как история, рассказываемая человеком самому себе или кому-либо еще, – история о себе, история своего самосознания. Когда мы вступаем с кем-то в диалог, мы начинаем выражать некоторые свои внутренние состояния. Однако с точки зрения данной нарративной или диалогической концепции (здесь я их объединяю, хотя между ними есть различия) мы просто пытаемся в диалоге или в «автобиографическом» монологе построить некую логическую непротиворечивую историю своей внутренней жизни или биографии. С этим связано представление об идентичности, основанной на памяти: Я – это то, что со мной случалось, те события моей жизни, о которых я помню. Наше человеческое сознание устроено таким образом, что мы пытаемся случайные события нашей жизни объединить в логически увязанные причинно-следственные связи, которых на самом деле, скорее всего, не существует, однако мы отбираем именно такие события, которые мы все-таки можем увязать воедино, они и составляют нарратив. Я у конструкционистов выражается в разного рода идентичностях – ассоциациях с какими-то социальными и коммуникативными ситуациями. Эти идентичности всегда множественны, поскольку мы включены в множество различных социальных контекстов. С моей точки зрения, эти множественные идентичности (я предлагаю их называть идентификациями) могут быть связаны в

единую идентичность, однако конструкционисты, как правило, не допускают возможности существования подобного единства.

Таким образом, мы рассмотрели конструкционистские концепции, связанные с пониманием субъекта как *Я*, и перейдем теперь ко второму аспекту, связанному с субъектом научного познания.

Здесь прежде всего необходимо пояснить широко используемые конструкционистами понятия дискурсов и т. н. «голосов». Сами социальные конструкционисты не любят давать каких-то определений используемым им понятиям, поэтому их приходится реконструировать самостоятельно. Под дискурсом в таком широком смысле у конструкционистов понимается совокупность принятых определенной социальной группой в определенных культурных условиях способов говорения о мире в целом либо о каких-то отдельных объектах, а также о совокупности социальных действий, обусловленных этими способами. Дискурс в конструкционистском понимании не просто задает определенные стандарты описания или категоризации, а принуждает к ним, и в этой мере дискурс может выступать как определенная идеология, особенно если речь идет о том, что конструкционисты называют «тоталитарным» или «доминирующим» дискурсом, который подавляет все остальные. Понятие дискурса начинает использовать Кеннет Герген еще в своих первых «конструкционистских» работах. Так, Герген ссылается на собственную статью «Социальная психология как история» [Gergen, 1973], в которой он пытается показать, что те понятия, которые социальные психологи рассматривают как обладающие реальными референтами в виде некоторых психических явлений, например такие понятия, как воспоминания, установки, индивидуальные ценности и т. д., на самом деле являются культурно-историческими и возникают под влиянием дискурсов, т. е. тех способов говорения об этих психологических терминах, которые были установлены существующей психологической наукой. С его точки зрения, на самом деле, мы не можем говорить о существовании постоянных психических феноменов – мы можем говорить только об определенных традициях, которые возникают в разные этапы развития психологии как науки, традициях, которые в одну эпоху, к примеру, говорят об установках, а в другую – о ценностях. Таким образом, в рамках социально-конструкционистского подхода возникает общая критическая установка по отношению к науке – она начинается с критики психологии и дальше экстраполируется на все прочие научные дисциплины.

Социальный конструкционизм утверждает, что мы всегда полностью зависимы от дискурса, все наши научные понятия «утоплены» в дискурсе и из сетей дискурса мы никуда вырваться не сможем. Здесь и возникает идея «тоталитарного», доминирующего дискурса, который можно рассматривать как парадигмальный дискурс. К примеру, в период классической науки таковым является ньютоновская механика: все, что выходит за ее пределы, противоречит ей, можно отнести к т. н. «маргинализованному» дискурсу. Маргинализованные дискурсы – это такие способы говорения

об определенных объектах или теории, которые не обладают в рамках определенного сообщества тем, что конструкционисты называют «правом голоса». Понятие «голоса» очень часто встречается в конструкционистских работах, прежде всего, в феминистских исследованиях, которые являются одним из наиболее ярких конструкционистских направлений. В рамках этих представлений есть общепринятое «магистральное» научное знание – оно относится к «тоталитарному» дискурсу; при этом это научное знание выражает собой установки, ценности конкретной существующей власти (здесь можно снова отметить влияние ряда идей постмодернизма, французского постструктурализма, в первую очередь, М. Фуко). Все остальные точки зрения, так или иначе, находятся на периферии, они маргинализированы. Возьмем пример из феминистской философии: с этой точки зрения, тоталитарный дискурс науки – это дискурс, который сформулирован мужчинами, европейцами, представителями аристократического и буржуазного социальных сословий. «Голоса» других социальных групп в науке просто не слышны. Феминистская философия науки на этом основании делает вывод, что вся наука, с которой мы имеем дело, т. е. классическая европейская наука, построена в рамках мужского «белого» буржуазного дискурса, в котором «голос» женщин не слышен и услышан быть не может, т. е. женский взгляд на мир просто не представлен.

Идея конструкционизма заключается в том, что каждая социальная группа должна иметь равное «право голоса» в высказывании, в том числе относительно научного знания. Конструкционисты, далее, предлагают просто отказаться от таких фундаментальных понятий научного познания, как истина и объективность. Приведу несколько примеров. Уже упоминавшийся мною Джонатан Поттер утверждает: «Истина и ложь могут рассматриваться как шаги в риторической игре» [Potter, 1996b; p. 40], а с точки зрения К. Гергена, никакой истины как таковой не существует [Gergen, 2001]. Алиса Дебласио, рассматривая концепцию, предложенную Донной Харауэй, одной из ключевых представительниц феминистских исследований, отмечает, что в рамках концепции последней «объективность – просто прием, с помощью которого потребности всей группы оформляются в терминах правящей эпистемологии – нечто вроде интеллектуального тоталитаризма. Таким образом, предполагаемая научная объективность есть лишь иначе поименованная субъективность. Подобно тому, как линза фотоаппарата претендует на объективность, тогда как на самом деле фокусируется на чем-то, предпочитает один кадр другому» [Дебласио, 2010; с. 164]. Здесь наравне с понятием «голоса» присутствует еще одно широко употребляемое понятие – «предубеждение» (“bias”): т. е. любая наука исходит из определенного предубеждения – мужского, женского, «черного», «белого», «гетеросексуального» и т. д.

В качестве решения этой задачи некоторые конструкционисты, вслед за предложившей данное понятие Д. Харауэй, предлагают говорить о «ситуационном знании» (“situated knowledge”)

[Haraway, 1988], т. е. любое знание должно рассматриваться только в конкретной узкой социокультурной ситуации, и никакого универсального, объективного знания в целом быть не может. Цитата из Гергена достаточно показательна; она выражает отношение к научному знанию как к таковому: «не может быть трансцендентально привилегированных описаний того, что мы считаем существующим. Нет никакой специфической конфигурации слов или выражений, которые единственно подходят к тому, что мы называем миром. <...> ...Мир не отвечает за то, во что мы его превращаем» [Джерджен, 2003; с. 77].

Другими словами, есть кратко суммировать позицию конструкционизма, то здесь мы имеем дело даже не с релятивизмом, в котором его часто упрекают, – мы имеем дело с агностицизмом. Существуют только слова и социальные конструкции, которые выражаются этими словами, но слова эти не имеют никакого отношения к реальности. Приведу еще одну цитату – в ней Бруно Латур ссылается на Яна Хакинга – известного философа науки, который неоднократно выступал с критикой социально-конструкционистского подхода: «Хакинг понял, почему споры вокруг правильного соединения реальности и конструкции нагнетают столько страстей, – по характеру своему они являются политическими. Прикрываясь эпистемологическими проблемами, они на самом деле посвящены вопросам совместного существования» [Латур, 2006b; с. 379].

Как мне представляется, здесь важно вернуться к проблеме субъекта. Пытаясь отказаться от субъекта, как пишет Герген, конструкционисты стремятся победить идеологию индивидуализма и войти в «настоящую» реальность, лежащую за пределами индивидуализма [Джерджен, 2003b]. С одной стороны, Герген подчеркивает, что субъекта не существует, он растворяется в социальных конструкциях, однако, с другой стороны, именно при анализе научного познания конструкционисты сталкиваются с тем, что субъект оказывается неустранимым из научного исследования, потому что именно он оказывается транслятором всех предубеждений, всех дискурсных установок в научном познании. Мне кажется, здесь важно говорить о том, что сохранение понятия субъекта как такового необходимо для того, что Латур называет «совместным существованием», а я бы сказала, что это необходимо также для взаимопонимания. Для того чтобы любой диалог был продуктивным, понятие субъекта необходимо, поскольку в диалоге всегда взаимодействуют именно субъекты, и они должны опираться на некую общую реальность.

Того *Я*, которое обладает постоянством и логичной связностью, не существует, утверждают конструкционисты. Мне эта идея представляется непродуктивной и необоснованной. Как непродуктивен отказ от таких идеалов науки, как истина и объективность, и в принципе антиреалистская позиция конструкционистов, утверждающая, что в познании реальности мы имеем дело только с социальными конструкциями. Я считаю, что реальность за пределами социальных конструкций все же существует, и она способна, гово-

ря очень точными словами Бруно Латура, «давать отпор» [Латур, 2006а].

Список литературы

Дебласио, 2010 – *Дебласио А.* Новые тенденции в альтернативных эпистемологиях // *Epistemology & philosophy of science / Эпистемология и философия науки.* 2010. Т. 23. № 1. С. 160–172.

Джерджен, 2003а – *Джерджен К.Дж.* К культурно-конструкционистской психологии // *Джерджен К.Дж.* Социальный конструкционизм: знание и практика. Минск: БГУ, 2003. С. 74–89.

Джерджен, 2003б – *Джерджен К.Дж.* Технология и Я: от сущностного к возвышенному // *Социальный конструкционизм: знание и практика.* Минск: БГУ, 2003. С. 90–106.

Латур, 2006а – *Латур Б.* Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // *Социология вещей. Сборник статей / Под ред. В. Вахштайна.* М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 342–364.

Латур, 2006б – *Латур Б.* Надежды конструктивизма // *Социология вещей. Сборник статей / Под ред. В. Вахштайна.* М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 365–389.

Труфанова, 2018 – *Труфанова Е.О.* Субъект и познание в мире социальных конструкций. М.: Канон+, 2018. 320 с.

Berger, Luckman, 1966 – *Berger P.L., Luckman T.* *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge.* N. Y.: Anchor Books, 1966. 240 p.

Haraway, 1988 – *Haraway D.* Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective // *Feminist Studies.* 1988. Vol. 14. No. 3. P. 575–599.

Harré, 1989 – *Harré R.* Language games and the texts of identity // *Texts of Identity.* London, 1989. P. 20–35.

Harré, Mühlhäusler, 1990 – *Harré R., Mühlhäusler P.* *Pronouns and People: The Linguistic Construction of Social and Personal Identity.* Oxford: Blackwell, 1990. 360 p.

Gergen, 2001 – *Gergen K.J.* Construction in contention: Toward consequential resolutions // *Theory & Psychology.* 2001. No. 11. P. 419–432.

Gergen, 1973 – *Gergen K.J.* Social psychology as history // *Journal of Personality and Social Psychology.* 1973. Vol. 26. No. 2. P. 309–320.

Pickering, 1999 – *Pickering A.* *Constructing quarks: a sociological history of particle physics.* Chicago, Illinois, Chichester: University of Chicago Press Wiley, 1999. 475 p.

Potter, 1996a – *Potter J.* *Discourse Analysis and Constructionist Approaches: Theoretical Background // Handbook of qualitative research methods for psychology and the social sciences.* Leicester, 1996. P. 125–140.

Potter, 1996b – *Potter J.* *Representing Reality: Discourse, Rhetoric and Social Construction.* London: SAGE, 1996. 264 p.

References

Berger, P.L., Luckman, T. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge.* New York: Anchor Books, 1966. 240 p.

DeBlasio, A. "Novye tendentsii v alternativnykh jepistemologijah" [New trends in alternative epistemologies], *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2010, no. 1, pp. 160–172. (in Russian)

Gergen, K.J. "Construction in contention: Toward consequential resolutions", *Theory & Psychology*, 2001, no. 11, pp. 419–432.

Gergen, K. "K kulturno-konstruksionistskoi psikhologii" [Towards a cultural constructionist psychology], in: Gergen, K. *Sotsialnyi konstruksionizm: znanie i praktika* [Social Constructionism. Knowledge and Practice], Minsk: BGU Publ., 2003, pp.74–89. (in Russian)

Gergen, K.J. "Social psychology as history", *Journal of Personality and Social Psychology*, 1973, vol. 26, no. 2, pp. 309–320.

Gergen, K. "Tekhnologija i Ja: ot sushchnostnogo k vozvysheennomu" [Technology and the Self: From the Essential to the Sublime], in: Gergen, K. *Sotsialnyi konstruksionizm: znanie i praktika* [Social Constructionism. Knowledge and Practice], Minsk: BGU Publ., 2003, pp. 90–106. (in Russian)

Haraway, D. 'Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective', *Feminist Studies*, 1998, vol. 14, no. 3, pp. 575–599.

Harré, R. "Language games and the texts of identity", in: *Texts of Identity*. London: SAGE, 1989, pp. 20–35.

Harré, R., Mühlhäusler, P. *Pronouns and People: The Linguistic Construction of Social and Personal Identity*. Oxford: Blackwell, 1990. 360 p.

Latour, B. "Kogda veshchi dayut otpor: vozmozhnyi vklad 'issledovani nauki' v obshchestvennye nauki" [When things strike back: a possible contribution of 'science studies' to the social sciences], in: *Sotsiologiya veshchei. Sbornik statej* [Sociology of Things. Collected Papers] / Ed. by V. Vakhshayn. Moscow: Izdatelskii dom «Territoriya budushchego» Publ., 2006, pp. 342–364. (In Russian)

Latour, B. "Nadezhdy konstruktivizma" [The Promises of Constructivism], in: *Sotsiologiya veshchei. Sbornik statej* [Sociology of Things. Collected Papers] / Ed. by V. Vakhshayn. Moscow: Izdatelskii dom «Territoriya budushchego» Publ., 2006, pp. 365–389. (In Russian)

Pickering, A. *Constructing quarks: a sociological history of particle physics*. Chicago, Illinois, Chichester: University of Chicago Press Wiley, 1999. 475 p.

Potter, J. "Discourse Analysis and Constructionist Approaches: Theoretical Background", *Handbook of qualitative research methods for psychology and the social sciences*. Leicester, 1996, pp. 125–140.

Potter, J. *Representing Reality: Discourse, Rhetoric and Social Construction*. London: SAGE, 1996. 264 p.

Trufanova, E.O. *Subjekt i poznanie v mire sotsialnykh konstruksij* [The subject and cognition in the world of social constructions]. Moscow.: Kanon+ Publ., 2018. 320 p. (in Russian)

Поступила в редакцию 06.05.2018